

СКАЖИ МНЕ, ЧТО ТЫ ЧИТАЕШЬ...

В «ЛГ» (№ 35, 1976) была опубликована статья Евг. Осетрова «Золотой ключ, или Скажи мне, что ты читаешь...». Статья вызвала большой интерес читателей: об этом свидетельствует редакционная почта. Главный вопрос, который волнует авторов писем, — как найти ориентиры в огромном книжном море, как выбрать книгу, необходимую тебе сегодня и всегда? «К/К читать?» — и этот вопрос также не оставил читателей безучастными. Как читать, чтобы ценности, заключенные в произведении, открылись тебе в их максимальной полноте, чтобы чтение не стало просто времяпрепровождением, а насыщало душу, доставляло истинную радость, заставляя трудиться ум и сердце?

Мы думаем, что читательские биографии людей самых разных призваний и профессий, их размышления о месте и роли книги в нашей жизни помогут читателям найти ответы на эти вопросы. Именно таково назначение открываемой сегодня новой рубрики «Скажи мне, что ты читаешь...».

Даниил
ГРАНИН

СМЕЮ РЕКОМЕНДОВАТЬ...

Даниил Александрович, XX век называют веком не письменной, а зрительской культуры. Кино, телевидение «теснят» книгу...

— И все-таки наши современники читают очень много. Здесь и всевозможные журналы, выходящие массовыми тиражами, и специальная литература, и художественная... У нас даже существуют бестселлеры, пусть формально и не отмеченные.

О круге чтения современного советского человека не всегда можно судить по критике, потому что она специализирована: одни критики занимаются художественной литературой, другие — научной, социальной и т. д. К сожалению, о круге чтения нельзя судить и по современным книгам. Русская классическая литература начиная с Пушкина всегда рассказывала о круге чтения героев. Мы можем проследить по «Евгению Онегину», кто когда и что читал, какие книги были в ходу, формировали сознание и культуру. Помню, как-то я выписал из трилогии М. Горького список книг, прочитанных Алешей мальчиком и взрослым. И в этом списке были известные и совершенно неизвестные мне авторы. Они характеризовали моду, время, интересы поколения.

Ныне наши герои читают гораздо меньше, хотя фактически люди читают гораздо больше. Очень жаль, что мы, писатели, не пытаемся проанализировать круг чтения современного человека. Жаль, потому что это часть духовной истории нашего общества.

Читают сейчас очень много, но я не рискую делать какие-либо обобщения и могу опираться только на опыт собственный и близких мне людей.

— Судя по письмам, приходящим в редакцию «Литературной газеты», читателям как раз очень интересен писательский опыт чтения. Может быть, начнем сначала: когда и как вы, Даниил Александрович, начинали читать серьезно?

— Я не получил филологического образования, а инженерное не дает системы чтения, не предлагает списка авторов. Я восполнял этот пробел уже в зрелом возрасте, когда после войны поступил в аспирантуру.

Я учился читать с помощью Пушкина. Чем гениальнее писатель, тем, по моему, труднее его читать. Сравнительно недавно по телевидению выступал Яков Смоленский с чтением глав из «Евгения Онегина». Послушав его, я понял, что не читал поэму! Вернее, мне казалось, что я ее знал, но это было мнимостью — духовного освоения не было. Я продолжал перечитывать Пушкина и учиться его понимать.

— Кого из классиков вы сейчас перечитываете?

— Достоевского и Чехова. Мне непонятен секрет их воздействия, а хотелось бы его разгадать. У Чехова, казалось бы, проще быть не может, а прочитаешь — и ахнешь! Возвращаешься назад, чтобы снова прочесть и посмотреть, как это у него получается. Но разобратся невозможно. Возьмем, к примеру, рассказ «Студент». Студент встретил двух баб у костра и рассказал им легенду про Петра. Больше — ничего, никакого происшествия, но

рассказ необыкновенный, глубочайший, волнующий...

Надо классику перечитывать во второй, третий, четвертый раз, в разные периоды жизни. Это все равно что приезжать в другую страну после долгого отсутствия. Видишь, какие изменения произошли там. Кажется, что в книге вычитал другое, а на самом деле это изменения не в тексте, а внутри тебя.

Удивительное дело: казалось бы, классика своим совершенством должна подавлять писателя, а она, наоборот, возвращает к самому себе. У меня именно так. Может быть, у других иначе?

— Даниил Александрович, когда вы начинали читать, были ли у вас учителя?

— Да, я бесконечно благодарен библиотекарям Политехнического института, где я учился, Кировского завода и «Ленэнерго», где работал. Они умели направлять чтение. Сейчас я все меньше и меньше пользуюсь библиотеками, и это совсем не потому, что дома есть книги. Мне кажется, стало всеобщим явлением меньше обращаться в библиотеки, потому что они не являются тем духовным центром, каким им надлежит быть: часто читатели «перерастают» библиотечкой, атмосфера в библиотеках должна быть иной, не говоря уже о том, что нет законов, охраняющих книги, а одна из ценностей библиотек в том, чтобы получить книгу редкую...

— Кто теперь наталкивает вас на ту или иную книгу? Что касается классики, тут понятно: она «рекомендована» временем. А как вы выбираете в океане современных книг те, которые нужно прочесть обязательно? Социологи Библиотеки имени В. И. Ленина проводили исследование чтения в небольших городах РСФСР. В результате опроса они выяснили, что большинство пользуется рекомендациями друзей, знакомых и только 1—2 процента книг выбирают под влиянием критиков. Я помню, что в диалоге с Розовым, который проводился в Ленинградском Дворце работников искусств, вы тоже были критически настроены в отношении критиков.

— Надо несколько отрецензировать мое отношение к критике и критикам.

Дар критика — более редкий дар, чем прозаика, поэта, драматурга. Редчайший дар, нуждающийся в благоговейном отношении. А обязанность критика — помочь нам разобраться в современном литературном процессе, а не исказить представление о нем.

Я регулярно читаю «Литературную газету», «Литературную Россию», «Литературное обозрение», «Вопросы литературы», критические отделы «толстых» журналов. Если суммировать то, что там пишется, — вырисовывается общее мнение. Так я открыл для себя очень хорошего писателя — Распутина, впервые узнав о нем от критиков.

Я чаще пользуюсь «подсказками» критиков, чем читателями, которые стали объектами изучения социологов, но и я часто выбираю книги для чтения по рекомендации людей, мнению которых доверяю.

Конечно, есть круг писателей, давно привлекавших мое внимание. И теперь я регулярно слежу за тем, как они работают, прочитывая все новое, что выходит из-под их пера. Меня интересуют А. Битов, В. Быков, Ч. Айтматов, В. Катаев, В. Концевский, Ю. Бондарев и другие. Этот спи-

сок растет. Недавно друзья подсказали мне новые имена, и я с большим интересом прочел Т. Пулатова, О. Сулейменова, В. Поршнева («О начале человеческой истории») и многое другое.

— Скажите, Даниил Александрович, а не бывает ли такого рода наталкивания: к примеру, вышел сборник писем Томаса Манна — в нем рассказывается, в частности, как по разным устным и письменным высказываниям любители творчества Т. Манна вычленили шесть шедевров, которые он больше всего ценил из всей мировой литературы. Это: «Отцы и дети» Тургенева, «Братья Карамазовы» Достоевского «Война и мир» Толстого, «Фауст» Гёте, «Воспитание чувств» Флора и — «Пестрые камни» Штифтера. Пять широкоизвестных авторов и один — малоизвестный. Будете ли вы, встретив такую своеобразную рекомендацию, отыскивать этого шестого, малоизвестного автора?

— Даже с самым уважаемым рекомендателем у нас могут не совпадать вкусы, настроения и т. п. С годами я убедился, что действительно хороши писатели, которых рекомендует не один-два человека, а те, кто общепризнан. Они в самом деле самые отличные. Особенно убеждают в этом антики. Совершенно дивные писатели Цицерон, Плутарх. В их произведениях восхищают и мысли, и красота слога.

У меня бывают наталкивания вот какого рода: скажем, я у Достоевского в «Дневниках писателя» встретил статью, написанную на смерть Некрасова. Взял и перечитал подряд всего Некрасова. Это было интересное чтение: огорчило небольшое, а многое привело в восторг. Прочел как-то Константина Леонтьева о Толстом. Раздразнил он меня своей критикой, и я решил: дай-ка проверю! Стал перечитывать Льва Толстого, и ничего не осталось от Леонтьева, кроме его занятию, острого ума: я категорически не согласился с его оценками.

— Ваш герой Любимов делал конспекты прочитанного, выписки из книг. Вы тоже читаете с карандашом в руке?

— Я не веду конспектов прочитанного, лишь иногда выписываю особо поразившее меня. По-видимому, заметки о прочитанном надо вести регулярно. Они закрепляют в памяти прочитанное, помогают его осмыслить. Записи эти впоследствии могут пригодиться для написания статьи, рецензии, письма. Но чтение с карандашом медленнее, а хочется больше прочесть, ведь книг много, и среди них много хороших, а времени мало.

— Какие книги, вышедшие недавно, вызвали у вас желание поделиться прочитанным?

— С большим удовольствием я прочел «Ивана Грозного» Р. Скрынникова, книгу, созданную на материале первичном, на первоисточниках. Книга Скрынникова, много работавшего в архивах, полна свежих, новейших фактов и, может быть, из-за этого недостаточно осмысленных. Книга пленяет своей честностью. К тому же, когда крупный исследователь выступает как популяризатор, он, как правило, создает свой собственный жанр, и это интересно. Мне не хватало в этой книге разве что общих концепций противоречивой и сложной эпохи Грозного.

— Надо заметить, что интерес к истории все время растет, но довольно скупо удовлетворяется. Какие исторические романы вы могли бы рекомендовать читателям?

— Я с жадностью на-

нулся на исторический роман В. Глинки «История унтера Иванова». Эпоха, которая там описана (с 1812 по 1825 год), знакома нам достаточно, мы ее полюбили через Пушкина, и тем не менее в романе так подробно дана жизнь военная и мирная, солдатская и офицерская, столичная и провинциальная, как будто то, что мы рассматривали раньше издали, прищурившись, теперь увидели через полевой бинокль: все приблизилось и увеличилось...

— Что еще из прочитанного недавно вызвало у вас, привлекая особое внимание?

— Повесть Г. Гора «Рисунки Дароткана», по моему, отличается редкой в нынешней литературе поэтической силой. Эта повесть Гора, как и вообще лучшие его вещи, отвечает потребности читателя задумываться над проблемами бытия, она насыщена философией, возвращает к древним вопросам о смысле жизни, своего и чужого «я», смысле искусства.

Мне хотелось бы сказать про новую повесть В. Тублина «Золотые яблоки Гесперида», где античная история соединяется с современностью, одно обогащает другое. Книга написана озорно, неожиданно, интересно.

— Даниил Александрович, а если расширить круг и поговорить не только о беллетристике?

— Я обратил бы внимание читателей на книгу М. Чудаковой об архивах, которая лично мне, например, открыла совершенно неизвестную до этого профессию, о которой мы вроде бы все знаем и, как бывает в таких случаях, ничего не знаем.

Особенно хотелось бы отметить книгу П. Капицы «Эксперимент, теория, практика». Эта, казалось бы, специальная книга, написанная крупнейшим физиком, я убежден, имеет всеобщий интерес и — более того — всеобщую доступность. Я имею в виду его статьи о Ломоносове, Франклине, работы, связанные с историей науки, проблемами научных кадров, научного образования. В каждой из этих статей происходит как бы чудо, другого слова я не могу подобрать. Состоит это чудо в том, что наши обычные стародавние устойчивые представления поразительным образом перестраиваются, меняются. Рассказывая о Ломоносове, Франклине и других ученых, Капица главное внимание сосредотачивает не только и не столько на их достижениях, сколько на ошибках. Именно они (он это блестяще показывает) наиболее полно раскрывают личность ученого. Результат обезличен, лишен индивидуальности. Путь к результату, полный сомнений, проб, чрезвычайно поучителен для многих поколений.

Вышли интересные книги З. Паперного «Записные книжки Чехова», Т. Макагоненко «Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830—1833)», но, разумеется, каждая из этих работ заслуживает отдельной подробной рецензии...

— Даниил Александрович, менялось ли ваше чтение с годами?

— Безусловно. Главным для меня стала философия вещи, конечно, при всех компонентах художественного произведения.

— Не мешает ли чтение писательской работе?

— Никогда не мешают стихи! В молодости мы их часто читаем, а потом бросаем, а чтение стихов должно быть постоянным, чтобы душа не засохла. Поэзию я читаю беспорядочно: в последнее время прочел сборники С. Орлова, М. Дудина, А. Кушнера, Г. Горбовского. Очень хороший сборник у Беллы Ахмадулиной.

Когда читаешь в процессе работы прозу — так или иначе книга в самом деле мешает, тянет в сторону: если очень хорошая — начинаешь завидовать, если плохая — огорчаешься. Для пишущего человека чтение вообще вещь чреватая...

— Существуют разные точки зрения на чтение: одни говорят, что оно дается каждому грамотному и легко, как дыхание, другие утверждают, что это тяжелый труд. Может быть, чтение во время работы мешает как раз потому, что это тяжелый труд?

— Моя точка зрения находится, пожалуй, посредине этих крайних мнений: я считаю, что чтение — труд, но труд радостный.

Беседу вел Г. СИЛИНА